

КОНСТИТУЦИОННАЯ ДОКТРИНА ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

С.Г. Павликов,
д.ю.н., профессор,
заведующий кафедрой
«Конституционное и муниципальное право».
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации.
Россия,
г. Москва.

Аннотация. Конституционная доктрина характеризуется в последнее время российскими юристами как совокупность не только научных позиций, суждений, но и судебных позиций, что обуславливает доминирование «официально-властных» начал в её содержании. Основной вектор развития этой «доктрины» усматривают в содействии построению «сильного» государства, о тождественности которого «правовому» государству судить пока явно преждевременно.

В настоящее время в России термин «*доктрина*» используется как в законодательстве,¹ так и в правоприменительной *практике*, в научных трудах.² По мнению В.Д. Зорькина, «дальнейшее развитие *доктрины* правового *государства* и основанной на ней правотворческой и правоприменительной *практики* должно исходить из трактовки социальных прав не только как неких общих ориентиров для законодателя и правоприменителя, но именно как основных прав, равных по значимости гражданским и политическим правам человека и гражданина».³

Как пишет Т.Я. Хабриева, в самом общем виде *доктрину* характеризуют как авторитетное мнение учёных, выраженное в форме принципов, теорий, концепций; это в полной мере относится и к *конституционной доктрине*.⁴ Так, в теории и *практике* конституционного права концепция разделения властей традиционно связывается с именами Д. Локка и Ш. Монтескье, тезис о верховенстве (суверенитете) парламентов в его завершённом выражении – с именем А. Дайси, идея об особых *судах* как органах конституционного контроля – с именем Г. Кельзена; таким образом, по её мнению, «речь идёт о научных *доктринах* конституционализма, о научной *конституционной доктрине*, о *доктрине* конституционного *права*».⁵

¹ См., напр.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утв. Президентом Российской Федерации 9 сентября 2000 г. № Пр-1895 // Российская газета. № 187. 28.09.2000.

² См., напр.: Мозолин В.П. Современная доктрина и гражданское законодательство. М.: Юстицинформ, 2008; Пряхина Т.М. Конституционная доктрина Российской Федерации. М., 2006 и т.д.

³ Зорькин В.Д. Право и правоприменение в Российской Федерации: доктрина и практика. Материалы к докладу на международной конференции «Право и правоприменение в России: междисциплинарные подходы» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru>.

⁴ Хабриева Т.Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. 2009. № 2. С. 23.

⁵ Там же.

Не будучи признанной в качестве формального источника романо-германского права, *доктрина*, как отмечает М.Н. Марченко, в то же время оказывает огромное влияние не только на правоприменителя и «интерпретатора» действующего *права*, но и на законодателя.⁶ По мнению автора статьи, именно так и должно быть в *правовом государстве*.

Однако *доктрина* в современной России представляет собой нетрадиционный и практически малоиспользуемый *источник права*, в отличие, к примеру, от актов судебной власти. Российское *право* всё увереннее эволюционирует как «*прецедентное право*», всё более активно в правовом регулировании общественных отношений начинают участвовать решения *судов*. Роль актов Конституционного Суда Российской Федерации в правовом регулировании можно назвать доминирующей с учётом юридической силы его постановлений и определений; позиция этого органа относительно того, соответствует ли *Конституции* Российской Федерации смысл нормативного правового акта или его отдельного положения, придаваемый им правоприменительной практикой, обязательно подлежит учёту правоприменительными органами.

Автор убеждён, что *доктрина* также должна занимать достойное место в правовой системе Российской Федерации. Указанный *источник права*, с одной стороны, имеет ограниченное применение, как правило, максимально санкционированное государством; с другой – «аккумулирует фундаментальные правила, создающие общие условия развития правового регулирования».⁷

Умаление ценности *доктрины* предопределяет негативные последствия для российской правовой системы. Прежде всего, они связаны с «плановым» и, нередко, явно поспешным принятием Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации многочисленных законов; многие из них заведомо не могут быть реализованы и в этом плане критически оцениваются юристами и, главное, российским населением. Непоследовательность и, в целом, недостатки развития законодательства Российской Федерации связаны с тем, что не разработка учений, взглядов, научных позиций обуславливает формирование *доктрины*, а, напротив, «поточное» законодательство вынуждает создавать так называемые *доктрины* его применения.

Как уже отмечалось, лидирующая роль в этом процессе принадлежит Конституционному Суду России, который формирует обязательные для правоприменителя правовые позиции, которые, нередко, ошибочно характеризуют как *доктрины*. Акты и выраженные в них правовые позиции этого Суда представляют собой иной *источник права* – так называемый «судебный *прецедент*», хотя с учётом его формирования «высшей», а не «низовой» судебной инстанцией, корректнее охарактеризовать его как «акт судебной власти». Несколько иной характер имеют особые мнения судей, в

⁶ Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. М.: Проспект, 2011. С. 141.

⁷ Шахматев А.А. Режим налогообложения нерезидентов: правовая основа регулирования. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 61.

том числе, судей Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского Суда по правам человека, которые наиболее наглядно демонстрируют взаимосвязь *«прецедента»* и *доктрины*. В них выражается уже не официальная позиция *суда*, а мнение конкретного лица, который может не являться представителем научного сообщества, что подтверждает суждение о специфичности, как понятий *«юридическая наука»*, *«доктрина»*, так и таких нетрадиционных *источников права* как *«прецедент»* и *доктрина*.

В юридической литературе можно обнаружить немало примеров употребления термина *«конституционная доктрина»* без уточнения содержания этого понятия. Так, например, констатируются «параллели между теорией, основанной на прямом действии *Конституции*, в России и концепцией «живой» *Конституции* в конституционном *праве* стран общего *права*. Концепция «живой» *Конституции* не является частью российской конституционно-правовой *доктрины*; однако концепцию «живой» *Конституции* и прямое действие *Конституции* объединяет ряд признаков: возможность применения *Конституции* при отсутствии конкретизирующего законодательства; необходимость адаптации конституционной нормы к реальным правоотношениям; адаптация конституционной нормы осуществляется через официальное толкование *Конституции*; концепции являются инструментами устранения пробелов и умолчаний *Конституции»*.⁸ Либо, к примеру, указывается, что «обновление *доктрины конституционализма*, существенное изменение роли и содержания *Конституции* Российской Федерации 1993 г. позволяют говорить о наполнении новым смыслом ранее выделенных свойств *Конституции*, а также о её новых значимых юридических свойствах» и т.д.⁹

Нередко *конституционная доктрина* связывается с именами конкретных лиц; так, например, в некоторых монографиях констатируется наличие *«конституционной доктрины»* В.Д. Зорькина.¹⁰ Впрочем, значительно чаще исследуются отдельные аспекты изучаемого феномена; к примеру, *«конституционная доктрина безопасности призвана определять прочную нормативно-правовую, научно-теоретическую и практическую основу обеспечения юридической безопасности личности, общества, государства»* и т.д.¹¹

В этом плане нельзя не отметить труды Т.М. Пряхиной, которая в своей работе *«Конституционная доктрина Российской Федерации»* пишет, что «завершённость оформления правовой системы России во многом обеспечивается за счёт доктринального характера конституционных норм,

⁸ Антоненко В.М. Прямое действие конституции и «живая» конституция: сравнительный анализ концепций // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 8. С. 15-18.

⁹ Бутко Л.В., Улетова Г.Д. К вопросу о роли Конституции Российской Федерации как источника исполнительного права // Практика исполнительного производства. 2012. № 3. С. 38-47; Современное право. 2012. № 8. С. 16-23.

¹⁰ Баренбойм П.Д., Лафитский В.И., Терещенко Л.К. Юридические лица публичного права в доктрине и практике России и зарубежных стран // Под ред. В.П. Мозолина и А.В. Турбанова. М., 2011. С. 96 и далее.

¹¹ Чапчиков С.Ю. Необходима конституционная доктрина безопасности личности, общества, государства // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 6. С. 14-18.

воспроизводящих юридические и политические *доктрины* и учения».¹² По её мнению, *конституционная доктрина* – это «систематизированная совокупность основополагающих взглядов и нормативных формул, устанавливающих стратегические перспективы конституционного развития России».¹³

Как думается, может быть взято за основу для осмысления сущности *конституционной доктрины правового государства* её понятие только как научных взглядов, но не «нормативных формул» и не судебных позиций, ибо ценность доктрины, в том числе состоит в её максимальной независимости от власти.

Дискуссии о сущности *правового государства* актуальны для современной России; во многом, они базируются на тривиальном поиске «золотой середины» в позициях ортодоксов капиталистического и альтернативного (социального, социалистического и т.п.) пути развития общества. Так, по мнению В.М. Сырых, для формирования *правового государства* требуется не низведение его до уровня ординарного демократического *государства*, а наоборот, уточнение и конкретизация его признаков, в первую очередь принципа приоритета *права* перед законом.¹⁴ Чтобы воплотить в жизнь конституционный принцип о том, что носителем суверенитета и *источником* власти в Российской Федерации является её многонациональный народ, по его мнению, нужно значительно «расширить институты непосредственной демократии, создать надлежащие условия для того, чтобы народ сам определял свой строй, правопорядок и пути дальнейшего развития».¹⁵ Мы привели данное суждение с целью подчеркнуть, что независимо от той или иной степени дискуссионности высказываний учёных, составляющими элементами *конституционной доктрины* являются, по нашему мнению, труды, базирующиеся на принципах и нормах действующей российской *Конституции*.

Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание, состоит в следующем. Деятельность, Конституционного Суда, направленная на формирование «живого» конституционного права в *правовом государстве* также должна основываться на *доктрине* в узком «классическом» её понимании – т.е. на трудах учёных. По меньшей мере, «нормативные начала» решений Конституционного Суда России должны представлять собой «сплав концептуальных научно-теоретических подходов (выд. П.С.) с реальной *практикой* современного конституционализма и международно-правовой регламентацией».¹⁶

Такой подход актуален в силу особой правой природы актов этого

¹² Прякина Т.М. Конституционная доктрина Российской Федерации. М., 2006. С. 122.

¹³ Прякина Т.М. Конституционная доктрина как фактор оптимизации правовой политики современной России // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 1. С. 33.

¹⁴ Сырых В.М. Правовое государство как идеал развития русской государственности // Российский юридический журнал. 2013. № 2. С. 18-20.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Бондарь Н.С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 35-46.

органа. Так, Б.С. Эбзеев справедливо пишет, что «ни один орган государственной власти не вправе принимать нормативные и иные правовые акты, противоречащие Конституции Российской Федерации в интерпретации её Конституционным Судом. Поскольку речь идёт о воплощении в них выявленного Судом смысла и содержания Конституции, сами эти решения и выраженные в них правовые позиции становятся как бы частью Конституции и не могут быть преодолены актами органов законодательной или исполнительной власти, решениями иных судов или игнорироваться иными правоприменителями».¹⁷

Третий момент. На наш взгляд, не следует отождествлять «конституционализм» и «конституционную доктрину», ибо они соотносятся как часть и целое. «Конституционализм, – отмечает Н.С. Бондарь, – есть конституционная доктрина, философско-правовая концепция развития общества и государства (это гносеологическая составляющая конституционализма)».¹⁸

Предпримем попытку охарактеризовать некоторые принципы формирования конституционной доктрины правового государства.

1). В первую очередь, это принцип справедливости государственного устройства. Справедливость выступает «в качестве этического стандарта, с которым мы соотносим существующие социально-экономические и политические структуры и отношения. Одновременно она является идеалом, заставляющим нас устремляться за горизонт для его достижения».¹⁹ Так, например, М. Нассбаум отмечает необходимость достижения целей социальной справедливости, поскольку задачей социума является «поднять каждого человека до определённого порогового уровня в отношении каждой из «основных функциональных возможностей» в целях обеспечения полноценного человеческого бытия. Речь идёт о достижении определённого равенства в результатах как способа выражения равного достоинства каждой человеческой личности».²⁰

2). Конституционно доктрина правового государства базируется на понимании целесообразности минимально-возможного государственного принуждения. Как известно, понятие «государственное принуждение» многофункционально.²¹ В юридической литературе, как правило, под «государственным принуждением» понимают: возможность государства

¹⁷ Гатауллин А.Г. Юридическая природа правовых позиций конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 46-49.

¹⁸ Выступление Н.С. Бондаря // Судебный («живой») конституционализм: доктрина и практика. Стенограмма Круглого стола кафедры государственного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, 5 марта 2011 г.) // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 3. С. 1-29.

¹⁹ См. подробнее: Богданов Д.Е. Философско-правовое обоснование категории справедливости в гражданском праве России // Законодательство и экономика. 2013. № 5. С. 24-34.

²⁰ Nussbaum M.C. Human functioning and social justice: In defense of Aristotelian essentialism // Political Theory. 2000. Vol. 20. № 2. P. 214. См. также: Прокофьев А.В. Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: исследование неоднородности нравственных феноменов. Великий Новгород, 2006. С. 204.

²¹ Липинский Д.А., Шишкин А.Г. Понятие меры юридической ответственности // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 40-49.

обязать субъекта помимо его воли и желания совершить определённые действия;²² воздействие, в результате которого человек ведёт себя вопреки своей воле, но в интересах принуждающего;²³ внешнее воздействие на поведение, основанное на организованной силе государства, на наличии у него «вещественных» орудий власти и направленное на внешнее безусловное (непреклонное) утверждение государственной воли;²⁴

– такое воздействие на субъекта, которое выражается в непосредственном насилии или угрозе его применения, заставляющее выполнить предъявленные требования в случае отступления от таковых;²⁵

– вспомогательный государственно-властный способ подавления отрицательных волевых устремлений определённых субъектов для обеспечения подчинения их нормам *права* и т.д.²⁶

Как представляется, при любом из выше указанных подходов не отрицается элемент насилия, в том числе насилия над личностью, который должен минимизироваться в *правовом государстве* на основе активного использования механизмов саморегуляции. Тем не менее, внедрение таких механизмов в России «вплоть до настоящего времени идёт с большими трудностями. С одной стороны, это неудивительно для страны с сильными этатистскими и даже тоталитарными традициями».²⁷

3). Такими «традициями», зачастую, оправдывается патернализм, авторитаризм *государства*, что обуславливает ценность такого принципа *конституционной доктрины* как примат *прав* и свобод человека; реализм этого принципа, во многом, зависит от степени избавления *государства* от «самодержавных замашек». Многие исследователи отмечают, что важным элементом, влияющим на государственность, выступают традиции государственности – «укоренённые в культуре представления о том, как должна осуществляться государственная власть, какие модели поведения свойственны тем, кто эту власть реализует, как должен себя вести простой человек по отношению к государственной власти; они проявляются в преемственности исторических событий, в повторяемости реакций людей на однотипные действия властей, в стереотипности политических действий».²⁸ Другим элементом, продолжает В.Е. Рубаник, выступает менталитет народа, понимаемый как «исторически сложившийся устойчивый умственный (интеллектуальный) и духовный строй (образ) народа. Именно в совокупности традиции и менталитет обеспечивают передачу от поколения к поколению проверенных жизнью фундаментальных социальных ценностей, идей и взглядов».²⁹

²² Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. М., 2000. С. 403.

²³ Теория государства и права // Под ред. В.К. Бабаева. М., 2002. С. 207.

²⁴ Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С. 106.

²⁵ Кожевников С.Н. О принуждении в правоохранительной деятельности Советского государства // Сб. учён. тр. Свердловского юрид. ин-та. Вып. 22. Свердловск, 1973. С. 120.

²⁶ Ардашкин В.Д. О принуждении по советскому праву // Совет. государство и право. 1970. № 7. С. 35.

²⁷ Лескова Ю.Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. М.: Статут, 2013. С. 7.

²⁸ Политология // Словарь по обществознанию / Под ред. Ю.Ю. Петрунина, М.И. Панова. М., 2006.

²⁹ Рубаник В.Е. Проблемы сравнительно-правового исследования становления и эволюции российской

Автор занимает по этому вопросу следующую позицию, которую попытается сформулировать предельно лаконично: если в семье (обществе, государстве) были случаи насилия, то его причины нужно устранять, а не «возвеличивать» насилие в ранг традиций, привычек, менталитета и т.п.

4. *Конституционная доктрина в правовом государстве* не может ограничиваться установками одной монопольной партии, доминантой одного источника права, «неизменностью курса» политического деятеля и т.п., ибо один из её ключевых принципов состоит в демократических началах и реальном плюрализме, народовластии. В этом плане представляются небезынтересными утверждения о том, что «юридическая сила правовой доктрины определяется её авторитетом в глазах исполнителей и властными полномочиями её автора или носителя. В государствах-партиях решающее значение имеют доктрины, сформулированные вождями квазипартии. Так, в СССР любой закон должен был опираться на доктрину, изложенную в марксистско-ленинском учении, и решения высших органов коммунистической квазипартии».³⁰ С.А. Денисов справедливо отмечает, что «миф о «добром царе», который заботится о своих подданных, легко нейтрализует все нормы конституции о суверенитете народа и демократии. Люди добровольно отказываются от своих политических прав, и без всякого сопротивления с их стороны в стране вводится авторитарный режим и монархическая форма правления».³¹ По его мнению, «в современной России сохраняются черты идеократической правовой системы. Высшее юридическое значение имеют не Конституция и законы, а политико-правовые доктрины. Они успешно нейтрализуют основы конституционного строя страны».³²

С сожалением приходится констатировать, что явление политического и, если так можно выразиться, правового плюрализма в России находится в стадии становления. Так, например, мы акцентировали внимание на «монополизме» закона и судебного акта при фактически полном игнорировании доктрины как источника права. Действительно, о каком-либо существенном её значении говорить не приходится.³³ Этот факт осознают учёные. «Юридическая доктрина, – пишут они, – по своей природе относится к категории нетипичных источников права, но в данный момент времени руководители аппарата власти не видят оснований для опоры на неё».³⁴

Итак, конституционная доктрина (если только не понимать её как совокупность научных и судебных позиций) в современной России представляет собой нетрадиционный и практически малоиспользуемый

государственности // Российский юридический журнал. 2013. № 2. С. 21-23.

³⁰ Денисов С.А. Источники реального государственного права // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 4. С. 2-9.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, Инфра-М, 2011. - 544 с. С. 11.

³⁴ Шуняева А.Е. Справедливость в доктрине конституционной экономики // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 11. С. 21.

источник права. Спорное её понимание как вышеуказанного симбиоза лишает *конституционную доктрину* основного позитивного элемента – независимости от власти.